

В. Б. СОЧАВА

**ПОЗИЦИЯ НЕКОТОРЫХ РЕЛИКТОВ ДРЕВНЕЙ ФЛОРЫ
В СОВРЕМЕННЫХ ФИТОЦЕНОЗАХ КАВКАЗА**

(Представлено академиком В. Н. Сукачевым 15 XII 1946)

В последнее время при решении вопроса о возрасте того или иного типа фитоценоза часто используются соображения относительно древности входящих в его состав видов. Например, утверждают, что древность эдификатора фитоценоза свидетельствует о древности самого фитоценоза⁽⁴⁾ или же, что высокий процент реликтовых форм в покрове леса дает основание рассматривать и сам лесной фитоценоз как третичный реликт⁽⁵⁾. Именно таким методом часто решаются вопросы истории растительных группировок Кавказа. Например, приписывают⁽⁷⁾ третичную давность фитоценозам *Quercus iberica* Stev. в Закавказье, между прочим, и на том основании, что совместно с названным дубом встречаются реликты третичной флоры, в том числе *Epimedium colchicum* Bois и *Dioscorea caucasica* Lipsky.

Можно привести другие аналогичные примеры. При этом обычно авторы игнорируют рассмотрение под геоботаническим углом зрения позиции реликтов в фитоценозе. Экскурсируя на Северном Кавказе, на севере Черноморского побережья и в юго-западном Закавказье (1945—1946 гг.), я в равной мере уделял внимание как историко-флористическим, так и эколого-фитоценологическим наблюдениям. В результате был собран некоторый материал по вопросу, составляющему содержание настоящего сообщения.

Реликты занимают различную позицию в фитоценозах Кавказа. Из них некоторые, при спорадическом распространении, строго приурочены к фитоценозам, естественное развитие которых не нарушено никакими посторонними агентами. Это прежде всего некоторые лесные растения, гибнущие при осветлении леса. Примером может служить *Humanophyllum tunbridgense* Sm., растущий в тени лавровишневого леса в ущелье Сачохиас (басс. р. Чаквы)⁽⁹⁾ и больше на Кавказе нигде не обнаруженный. То же относится к представителю тропического рода *Hookeria* — *H. lucens* (L.) Sm., впервые в 1946 г. найденному мною на Кавказе также в тенистом лавровишневом лесу Аджарии и известному в СССР только из этого месторождения. Исключительно в сложившихся древних фитоценозах находят себе приют и многие другие виды Кавказской флоры.

Наряду с такими примерами обычны обратные, когда само существование останца древней флоры или же его широкое распространение оказывается возможным или находит наилучшие условия в растительных ассоциациях с нарушенной структурой и не соответствующих понятию климаткса. Приведем примеры, касающиеся видов, реликтовая природа которых не может вызывать сомнений.

Эпимедиум на Северном Кавказе. В Западном Закавказье

известны два вида этого рода: *Epimedium colchicum* Bois. и *E. circinatum — cucullatum* Sosp. Их рассматривают как подвиды *E. pinnatum* Fisch. (10). Эпимедиумы — растения тенистых мест. В Закавказье их считают характерными для колхидского леса. Распространение эпимедиумов, как полагают, происходит путем медленного роста корневищ и переноса семян муравьями (10). Е. В. Вульф (2) категорически исключает возможность заноса их случайными факторами. В восточной Азии, где находится центр возникновения и развития этого реликтового рода, эпимедиумы при небольшом обилии приурочены к смешанным лесам мезофитного типа.

Новым фактом оказалось обнаруженное мною (1946) местонахождение *Epimedium pinnatum* Fisch. на Сев. Кавказе в верховьях р. Пшиш к Ю.-З. от сел. Алтубинал на высоте около 600 м в лесу из *Quercus sessiliflora* Salisb. с древостоем не старше 60—70 лет. На площади более 30 га *E. pinnatum* имеет обилие «Сор.₁₋₂». Всюду следы неоднократных пожаров. В связи с пожарами находится массовое распространение в этом районе сосны и господствующий подлесок из азалии.

Перед нами новое местонахождение реликтового растения и факт массового его распространения с *Quercus sessiliflora* Salisb. (а не *Q. iberica* Stev.) на месте, где естественный растительный покров был существенно нарушен. В этих условиях, при устранении конкурентов, вегетативное размножение *Epimedium* протекает быстро. В климакс-фитоценозах эпимедиум на Северном Кавказе никем не находился.

К фитоценологии кавказской диоскореи. *Dioscorea caucasica* Lipsky на Кавказе рассматривается как реликт древней флоры тропического корня и компонент влажного колхидского леса. На деле *Dioscorea* очень обычна в кустарниковых зарослях по обнажениям и всюду, где кустарники и лианы получили широкое распространение на месте уничтоженного леса. Характерно пребывание *Dioscorea* в поемных лесах, где разливы стремительных горных рек обновляют поверхность, ограничивая возможности эдификаторов климакса. В предгорной полосе вдоль Черноморского побережья мы наблюдали эту лиану исключительно в местах, где естественная растительность нарушена различными агентами. При таких условиях факт совместного существования диоскореи и эпимедиума с *Quercus iberica* Stev., который рассматривают как доказательство третичной давности названных дубрав (7), может получить и другое истолкование.

Псоралея в бассейне р. Кубани. Представитель самобытного средиземноморского рода *Psoralea* — *Ps. acaulis* Stev. известен на Сев. Кавказе в верховьях рр. Зеленчука и Белой, где его рассматривают как реликт колхидской флоры (3). Нами *Ps. acaulis* наблюдалась неоднократно в басс. рр. Урупа и Пшехи. Можно считать установленным, что в басс. р. Кубани это растение избегает заключительных ассоциаций. Оно встречается на каменистых обнажениях, возникших после пожара, при этом часто совместно с сосной, растет в горелом дубовом лесу (6) и вообще приурочено к фитоценозам с нарушенной структурой.

Понтийский волчегодник в предгорьях Северо-Западного Кавказа. *Daphne pontica* L. на Северном Кавказе, как большая редкость, встречается в горных пихтово-буковых лесах, где он с фитоценологической точки зрения пока не изучен. Нами установлено местонахождение *Daphne pontica* в дубовых лесах предгорий (басс. р. Фарса, прит. Лабы). В расстроенных рубками дубравах, под тенью порослевого *Quercus robur* L. и *Carpinus caucasicus* Grossh., понтийский волчегодник производит впечатление недавнего пришельца, каковым он здесь, видимо, и является, будучи занесен птицами.

Орфанидезия в Аджарии. *Orphanidesia gaulterioides* Bois.

et Val. эндем Аджарии и Лазистана и по В. П. Малееву один из наиболее вероятных на Кавказе реликтов полтавской субтропической флоры (7). В СССР известен только в одном ущелье в басс. р. Коронис-цхали (4, 10), где довольно значительно распространен среди кустарной заросли на месте выгоревшего букового леса (10). На вторичных местообитаниях орфанидезия находилась и в Лазистане (1). Пока она нигде не найдена в достоверных климакс-ассоциациях.

О местообитании березы Медведова и понтийского дуба. Оба кустарника *Betula Medwedewi* Rgl. и *Quercus pontica* C. Koch. принадлежат к примитивным морфологическим типам с очень ограниченным реликтовым ареалом в пределах Колхиды. Одно из немногих их местонахождений в Аджарии (р. Коронис-Цхали) представляет густую заросль *Q. pontica* и *B. Medwedewi*, возникшую на месте выгоревшего букового леса. Оба реликта получили широкое распространение в средне-горной полосе (выс. 1000 м) на месте, где устранили эдификатор климакса — бук. Березу Медведова и понтийский дуб считают (7, 8) реликтами третичной субальпийской растительности, вытесняемыми на верхнем пределе леса бореальными формами. Фитоценологические сопоставления приводят к выводу, что оба вида в качестве деревьев характеризовали леса нижнего пояса третичной растительности. Сейчас они находят убежище в субальпийской полосе, где ослаблена конкуренция с более жизненными в современных условиях деревьями. Кустарная форма роста обоих видов является новообразованным признаком.

Вторичные местообитания некоторых компонентов буково-пихтовой формации. Из числа нескольких аналогичных примеров упомянем о двух. Реликтовое крестоцветное *Pachyphragma macrophylla* N. Vich. является константным, но не обильно распространенным видом в некоторых ассоциациях буково-пихтового леса. Оно же обильно разрастается на месте выпаса скота в лесу, вдоль троп и в других условиях, где естественный растительный покров нарушен. Иногда его именуют типичным синантропом (6), что не вполне справедливо, так как растение это занимает, как упоминалось, определенную позицию и в климакс-формации. На положение факультативного синантропа этот вид перешел, видимо, недавно, и сейчас происходит расширение его географического и экологического ареалов.

Osmorhiza amurensis F. Schm.—пример поразительной дизъюнкции ареала (Сев. Кавказ — Уссурийская тайга) — также характерна, при очень небольшом обилии, для некоторых буково-пихтовых ассоциаций. Сходную позицию занимает она в манчжурской тайге (наиболее древняя часть ее ареала).

Наряду с этим на Сев. Кавказе *Osmorhiza* получает более обильное распространение вдоль троп и на других местообитаниях с нарушенным растительным покровом. В связи с этим высказывалось предположение о возможности ее заноса человеком на Кавказ (6), что, однако, мало вероятно.

Все сказанное подтверждает давнишнее представление о том, что реликты во многих случаях утрачивают конкурентоспособность и не в состоянии произрастать в экологической обстановке, создаваемой эдификаторами фитоценоза. Они вытесняются в места, где жизненное состояние ослаблено и ограничены возможности эдификаторов (в наших условиях очень часто бука) в смысле влияния на другие растения и в особенности — на среду. При этом намечаются такие выводы:

1. Влияние человека, нарушая соотношение между компонентами фитоценоза, сложившееся в процессе естественного отбора, а тем самым изменяя и экологическую обстановку, часто содействует распространению реликтов, которые при естественном положении вещей устранились с территории.

2. Реликтовые растения, имеющиеся в незначительном обилии в естественных фитоценозах, иногда получают массовое распространение на вторичных местообитаниях. В силу тех же причин происходит расширение ареала реликта.

3. У многих колхидских реликтов реликтовой и длительно-стабильной является лишь часть их ареала, а не вся область распространения на Кавказе.

4. Некоторые реликты окончательно порвали связь с коренными фитоценозами. Они блуждают по территории, поселяясь в местах, где обнаруживается субстрат или ослабляется роль того или иного эдификатора. К этому типу относятся *Dioscorea caucasica* и, как нам представляется, *Orphanidesia gaulterioides*.

5. Реликты типа *Dioscorea* — *Orphanidesia* составляют особый фитоценотический тип, который хотя и представлен видами, утратившими конкурентные способности, но может существовать в соответствующей климатической области неопределенно долгое время, поскольку нарушение структуры фитоценозо-климакса, ослабляющее конкуренцию, непрерывно сопровождает развитие растительности любой страны.

6. Утверждать, что фитоценоз, в составе которого представлены, хотя бы даже и обильно, реликтовые виды, является древним фитоценотическим типом, на основании формальных флористических соображений, крайне рискованно. Суждение по этому поводу возможно лишь в результате биоценологических исследований и широких геоботанических и флорогенетических сопоставлений.

Ботанический институт
Академии Наук СССР

Поступило
15 XII 1946

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Ю. Н. Воронов, Тр. Бот. сада Юрьевск. ун-та, 5, 4, 213 (1904). ² Е. В. Вульф, Историческая география растений, изд. АН СССР, 1944. ³ А. А. Гроссгейм и Д. И. Сосновский, Изв. Тифл. политехн. ин-та, 3, 1 (1928). С. В. Голицин, Тр. Воронеж. ун-та, 11, 2, 13 (1939). ⁴ А. И. Лесков, ДАН, 473 (1929). ⁵ Е. Вульф, Тр. Бот. муз. АН СССР, 25, 23 (1932). ⁶ В. П. Малеев, Сборн. мат. по истор. флоры и раст. СССР, 1, 61, 1941. ⁷ Д. И. Сосновский, Тр. Тифл. Бот. ин-та, 1, 31 (1933). ⁸ В. Б. Сочава, Сов. ботаника, 15, № 5 (1947). ⁹ W. T. Stearn, Linn. Journ. Botany, 51, № 340 (1938).